

А может быть, и ты —
Всего лишь заблуждение ума,
Бегущего от истины в мечту?

Ш. Бодлер

Вечером мы должны были идти в гости к Алферну, молодому врачу, и я долго колебалась, идти или нет. Этот день, который я прожила с Аланом, моим мужем, день, поставивший крест на четырех годах любви, ссор, нежности и бурных сцен, я предпочла бы завершить в объятиях Морфея или взять и напиться. Во всяком случае, остаться в одиночестве. Но, разумеется, Алан, как законченный мазохист, настоял, чтобы мы пошли к Алферну. Он делал счастливое лицо и улыбался всякий раз, когда его спрашивали, как поживает самая прочная супружеская пара в Париже. Отшучивался, нес какую-то забавную ерунду и не отпускал при этом мой локоть, сжимая его изо всех сил. Я видела в зеркалах наше прелестное отражение и улыбалась ему: оба мы высокие, худощавые, он — голубоглазый блондин, я — брюнетка с серыми глазами, одинаковая манера держаться и одинаковое ощущение поражения, теперь уже совершенно очевидного.

Однако Алан зашел слишком далеко. Когда на вопрос какой-то растроганной дуры: «Скоро я буду крестной, Алан?» — он ответил, что таким мужчиной, как он, моя жизнь заполнена целиком и двоих я не заслуживаю, я пришла в ярость. «Это правда», — сказала я и, как иногда бывает в музыке, когда мощный аккорд означает вступление новой темы, вырвала руку из руки Алана и повернулась к нему спиной. Вот так, на коктейле, похожем на все прочие коктейли парижской зимы, я оказалась лицом к лицу с Юлиусом А. Крамом. Я так быстро и грубо вырвалась, что спиной почувствовала, как Алана затрясло от злости. Лицо Юлиуса А. Крама — именно так он мне представился: Юлиус А. Крам, — лицо его было бледно, тускло и замкнуто. Не зная, что сказать, я спросила, нравятся ли ему выставленные здесь картины. В самом деле, прием был затеян с целью продемонстрировать полотна, написанные любовником хозяйки дома, неугомонной Памелы Алферн.

— Какие еще картины? — сказал Юлиус А. Крам. — Ах да! Кажется, я вижу одну у окна.

Он направился туда, и я машинально последовала за этим человечком, который был на полголовы ниже меня, так что мне были видны зачатки лысины, предвещавшие ее скорую победу. Он резко остановился перед одной из картин, написанных, казалось, из большого желания сойти за художника, и поднял

голову. У него были круглые голубые глаза за стеклами очков и удивительные для таких глаз ресницы: пиратские паруса над рыбацким баркасом. С минуту он разглядывал картину, потом издал какой-то хрип, больше похожий на собачье рычание, чем на человеческий голос, и я уловила что-то вроде: «Какой ужас!» — «Простите?» — сказала я, ошеломленная, потому что этот лай показался мне хоть и обоснованным, но нелепым, и он повторил так же громко: «Какой ужас!» Несколько человек, стоявших рядом с нами, попятнулись, будто запахло скандалом, и я осталась одна, застряв между картиной и доблестным Юлиусом А. Крамом, который явно не был расположен дать мне удрасть. Позади нас пополз шепоток. Да, да, Юлиус А. Крам отчетливо произнес, причем дважды, «какой ужас», имея в виду эту картину, а очаровательная Жозе Эш — то есть я — ни слова не возразила. Ропот достиг шестого чувства величественной мадам Дебу, и она обернулась к нам. Мадам Дебу была особа выдающаяся. С непререкаемой властью она правила этим светским кружком. В шестьдесят с чем-то лет она держалась очень прямо, была весьма элегантна, черноволоса, а состояние ее мужа (который давно скончался от общего перенапряжения) обеспечивало ей чрезвычайную независимость и, как следствие этого, чрезвычайную кровожадность. В любых обстоятельствах — драма ли

случалась или торжество — мадам Дебу часто все улаживала, а иногда и разрушала, неизменно вновь оказываясь одна и неизменно твердо стоя на ногах, как обязывала фамилия, которую она носила¹. Ее указы обжалованию не подлежали, как и ее пристрастия. Наконец, она мгновенно распознавала ретроградство в произведениях искусства новых направлений и смелость в вещах банальных. При всем том, если бы не ее природная, неискоренимая злоба, она была бы умна.

Почувствовав, что происходит нечто непредвиденное, она тотчас направилась к нам, окруженная незримой свитой воинов, шутов, лакеев, ибо, хоть она и была всегда одна, постоянно казалось, что рядом полно готовых на все наемных убийц. Это создавало вокруг нее некую запретную зону, почти осязаемую, исключавшую любое проявление вольности.

— Что вы сказали, Юлиус? — осведомилась она.

— Я говорил этой даме, — сказал Юлиус без тени страха, — что картина ужасна.

— Вы думаете, это было необходимо? — сказала она. — Кстати, она не так уж плоха.

Она указала на святого Себастьяна, пронзенного стрелами и окончательно добитого Юлиусом. И движение подбородка, и ее интонация были безупречны: смесь презре-

¹ *Debout* — стоя (фр.). — Примеч. перев.

ния к художнику, сострадательной терпимости к слабостям хозяйки дома, ненавязчивого призыва к порядку и соблюдению приличий, обращенного к Юлиусу.

— Эта картина рассмешила меня, — сказал Юлиус А. Крам вдруг изменившимся голосом, с каким-то присвистом. — Ничего не могу поделать.

Памела Алферн в сопровождении Алана подошла к нам с недоумевающим видом. Она расслышала какое-то твяканье, означавшее, что среди гостей произошло некоторое замешательство, и направилась к месту сражения на всех парусах.

— Юлиус, — сказала она, — вам нравится живопись Кристобаля?

Юлиус, не отвечая, повернул к ней свирепое лицо. Она чуть отпрянула, но в ней тут же проявился рефлекс хозяйки дома:

— Вы знакомы? Алан Эш, муж Жозе.

— Ваш муж? — переспросил Юлиус.

Я кивнула. Он засмеялся каким-то тевтонским, первобытным, немислимым смехом, — право же, это было ужасно.

— Что здесь смешного? — спросил Алан. — Картина вас так рассмешила или то, что я женат на Жозе?

Юлиус А. Крам окинул Алана взглядом. Я находила его все более и более своеобразным. Во всяком случае, смелости ему не занимать: в течение трех минут бросить вызов

мадам Дебу, хозяйке дома и Алану — это свидетельствовало об определенном хладнокровии.

— Я смеялся просто так, без причины, — сказал он резко. — Не понимаю, дорогая, — обратился он к мадам Дебу, — вы постоянно упрекаете меня за то, что я не смеюсь. Ну вот, вы можете быть довольны: я смеюсь.

Я вдруг вспомнила, что слышала о нем. Юлиус А. Крам был могущественным дельцом, пользовавшимся значительной поддержкой в политических кругах, и, по-видимому, он неплохо представлял, в каком состоянии счета в швейцарских банках у трех четвертей приглашенных. Говорили, что он очень щедрый и очень черствый человек, его побаивались и всюду приглашали. Это объясняло двусмысленную улыбку мадам Дебу и Памелы Алферн, снисходительную и натянутую одновременно. Некоторое время мы, все четверо, стояли молча и смотрели друг на друга. Конечно, мы с Аланом должны были бы поздравить художника, который дежурил у входа, и вернуться в наш крошечный ад. Обычно подобные ситуации, в сущности, очень просто разрешить с помощью слов «до свидания», «до скорой встречи», «рад был познакомиться» и проч. Но в нашем случае положение казалось безвыходным. Выход нашел Юлиус, который решительно возомнил себя вождем племени и предложил мне выпить что-нибудь

в баре, помещавшемся в другом конце комнаты. Так же, как и в первый раз, он увел меня за собой, и мы прошествовали через всю гостиную маршевым шагом. Меня разбирал безумный смех и одновременно мучили опасения, потому что взгляд Алана стал странно тусклым, почти остекленел от гнева. Я поспешно выпила рюмку водки, которую, не заботясь о моих вкусах, сунул мне в руку властный Юлиус А. Крам. Пчелиное жужжание вокруг нас возобновилось, и через минуту я поняла, что на этот раз скандала удалось избежать.

— Поговорим серьезно, — сказал Юлиус А. Крам. — Чем вы занимаетесь в жизни?

— Ничем, — ответила я не без гордости.

И правда, среди всех этих бездельников, непрерывно тараторящих о какой-то там своей деятельности — дизайнерской мебели, прелестях финского стиля и прочей белиберде, не говоря уж об участии в производстве всего на свете, — я была рада признаться в совершенной праздности. Я была женой Алана, я жила на его деньги. И вдруг я поняла, что скоро уйду от него и ничего не смогу от него принять, никогда, ни одного доллара и ни одной встречи. Мне придется работать, влиться в бойкую толпу людей, которые расплывчато называются «пресс-атташе», «референт по общественным связям» и прочее в том же роде... Да при этом мне еще должно повезти,

чтобы попасть в привилегированный круг, где встают в девять часов и не раньше, а к морю ездят два-три раза в год. Между мной и материальными заботами всегда кто-то стоял — сначала родители, потом Алан. Похоже, это счастливое время прошло, и я, бедная дурочка, почти радовалась этому, как приключению.

— А вам нравится ничего не делать?

Взгляд Юлиуса А. Крама не был суров — он выражал сочувственное любопытство.

— Конечно, — сказала я. — Я наблюдаю, как проходит время, день за днем, греюсь на солнце, когда оно светит, и не знаю, что буду делать завтра. А если меня посетит увлечение, у меня будет достаточно времени, чтобы им заняться. Каждый должен иметь на это право.

— Может быть, — сказал он мечтательно. — Я никогда об этом не думал. Всю жизнь я работал, но мне это нравится, — добавил он извиняющимся тоном, который меня умилил.

Все-таки он был занятный, этот человек. Одновременно и беззащитный, и опасный. Что-то жило в нем, неутомимое и отчаянное, — оно-то, видно, и прорывалось в этом его лающем смехе. «Ну нет, — подумала я, — не будем копать в психологии деловых людей, в причинах их успехов и одиночества. Если кто-то очень богат и очень одинок — стало быть, он того и заслуживает».

— Ваш муж все время смотрит на вас, — сказал он. — Что вы ему сделали?

Почему он а ргіогі отводит роль палача именно мне? И что ему ответить? Я любила своего мужа, не очень любила, очень любила, любила другого? Если предположить, что я хочу сказать правду, то как ответить? И с какой правдой согласился бы сам Алан...

Худшее в разрывах то, что люди не просто расстаются, а расстаются каждый по своей причине. Быть такими счастливыми, накрепко связанными, такими близкими, что кажется, есть одна истина на свете: жить только друг для друга, — и вдруг сбиться с пути, потеряться, отыскивая в пустыне следы, которые уже никогда не пересекутся.

— Уже поздно, — сказала я. — Мне пора.

И тогда Юлиус А. Крам голосом торжественным и полным самодовольства стал расписывать прелести чайного салона «Салина» и пригласил меня туда послезавтра, в пять часов, конечно, если это не покажется мне слишком старомодным. Я согласилась, крайне изумленная, оставила его и пошла навстречу Алану, душераздирающей ночи, ссорам, слезам, теперь уже, наверно, последним, а в голове моей звучало: «У них лучшие профитроли в Париже».

Такой была моя первая встреча с Юлиусом А. Крамом.

— Ромовую бабу, — сказала я.

Я сидела на банкетке в кондитерской «Салина» растерянная, едва дыша. Я пришла абсолютно вовремя и в абсолютном отчаянии. Не ромовая баба была мне нужна, а настоящий ром, какой дают приговоренным к смерти. Два дня меня расстреливали холостыми патронами из всех мушкетов любви, ревности и отчаяния: Алан, в который уже раз, нацелил на меня весь свой арсенал и палил в упор, поскольку эти два дня он не позволил мне выйти из квартиры. Каким-то чудом я вспомнила о дурацком свидании в чайном салоне с Юлиусом А. Крамом.

Любая другая встреча, с другом, близким человеком, — я это знала — побудила бы меня к откровенности, а этого я как раз и не хотела. Я боялась исповедей, которые обычно так нравятся женщинам моего поколения. Я не умела выразить себя и всегда боялась убедиться в собственной неправоте. И потом, ведь могло быть только два решения: первое — терпеть Алана, нашу совместную жизнь, то, что каждую минуту мы оказываемся в тупике, что сердце ожесточилось, а мысли в полном беспорядке; второе — уйти, убежать, вырваться от него. Но в иные минуты я, не знаю почему, вспоминала его таким, каким когда-то любила, и тогда исчезали куда-то и я сама, и то решение, которое я считала единственно правильным.

В кондитерской, где порхали проголодавшиеся молодые люди и жужжали пожилые дамы, я поначалу чувствовала себя хорошо. В безопасности: охраняемая шеренгами надменных английских пудингов, сокрушительных французских эклеров и простодушных буше под темной глазурью, не ведающих ни о чем — в том числе и обо мне. Ко мне вернулось желание жить, улыбаться. Я посмотрела на Юлиуса А. Крама, на которого до сих пор еще не взглянула. Он показался мне очень благопристойным, очень приятным и немного помятым. Чувствовалось, что за два дня щеки его покроются лишь кое-где пробивающейся колкой щетиной, без всякого намека на какую-либо бороду. Я забыла о его деятельности, о неукротимой энергии, затраченной им для достижения своей цели, — забыла, глядя на эту юношескую растительность, о звериной силе и прославленном могуществе Юлиуса А. Крама. Вместо индустриального магната я видела пожилого младенца. Я находилась в плену своих ощущений. Но нередко они подтверждались, потому я на них и не в обиде.

— Два чая, ромовую бабу и миндальное пирожное, — сказал Юлиус.

— Сию минуту, мсье Крам, — пропела официантка и, проделав замысловатое па, исчезла в лабиринте ширм.

Я смотрела на нее с тем преувеличенным вниманием, которое инстинктивно проявляешь ко всему после того, как тебе чудом удалось избежать смертельной опасности. «Я сижу в кондитерской с каким-то промышленником, мы заказали миндальное пирожное и ромовую бабу», — нашептывала мне моя память, а сердце и разум, то есть я сама, не видели ничего, кроме обезображенного гневом красивого лица Алана у лестничных перил. Я бывала в барах, ресторанах, ночных кабаках во многих местах нашей милой планеты. Я понятия не имела о чайных салонах (об этом меньше, чем о другом), и эта обивка из туал-де-Жуи¹, и все эти церемонии, и белые передники, и крахмальные накладки — все это вызывало у меня чувство обманчивой безопасности, почти непереносимое. Ничего не подделаешь: решительно, мне больше подходит задыхаться от гнева и горя, упав с растрепанной прической на ковер, в присутствии своего сверстника, измученного так же, как и я, а не лакомиться пирожными в обществе благовоспитанного незнакомца. Так иногда бывает: какое-нибудь представление о себе самом, чисто зрительное, долго держится в памяти. Остальное время плывешь, не видя себя, растворяясь в дорожке бесцветных солоноватых

¹ *Туаль-де-Жуи* — набивная хлопковая ткань с одноцветным пейзажным или цветочным рисунком.

пузырьков, опускаешься все глубже и глубже, на дно слепого, глухого и немого отчаяния. Или, наоборот, великолепный и торжествующий, появляешься в глазах кого-то, кто ослеплен этим солнцем — тобой, — солнцем, которое выдуманно им же самим себе на гибель. Наверно, излишне говорить, что в тот момент я не думала ни о чем подобном. Я вообще никогда не говорила о себе: другие интересовали меня больше. А тогда я просто подумала: желтое или бежевое будет миндальное пирожное? Должно быть, что-то среднее. В конце концов, не зная, что сказать, я спросила об этом Юлиуса. Он, казалось, пришел в сильное недоумение, пожал плечами — у мужчин верный признак того, что им нечего ответить — и спросил, как поживает Алан.

Я коротко ответила, что у него все в порядке.

— А у вас?

— У меня тоже, конечно.

— Конечно... это не ответ.

Он начинал меня раздражать. Может, это и не ответ, но другого у меня не было. Кроме как во всех подробностях поведать ему о своем детстве, отношениях с разными людьми и бурном браке с Аланом, мне больше нечего было рассказывать. И потом, я не знала Юлиуса. Он не был мне ни другом, ни поверенным. Миндальное пирожное что-то слишком долго не появлялось.

— Я неделикатен, — сказал он тоном, не допускающим возражений и почти торжествующим.

Я вяло махнула рукой в знак отрицания, взглянула на свои дрожащие руки и стала искать в сумке сигареты.

— Я всегда был неделикатен, — повторил Юлиус А. Крам. — Впрочем, — добавил он, — это у меня не от нескромности, а от неловкости. Мне бы хотелось знать о вас все. Понимаю, для начала нужно было бы поговорить о погоде, но у меня не получается.

В глубине души я подумала, что вряд ли разговор о погоде мог как-то улучшить дело. Он вдруг и в самом деле показался мне неделикатным, грубым и лишенным обаяния. Если у него нет ни проблеска воображения, чтобы завязать самый пустяковый разговор, именно пустяковый, он должен об этом знать и не приглашать меня в этот дурацкий чайный салон. Мне захотелось уйти, оставить его наедине с его пирожными, и только страх перед тем, что ожидало меня на улице, перед растерянностью, которая охватит меня, перед скорым возвращением в наше адово жилище удержал меня.

«Ладно, в конце концов, он же человек, — подумала я, — можно попробовать поговорить. А то что-то ненормальное...» И правда, я впервые чувствовала перед кем-то такую заторможенность, напряжение и желание сбе-

жать. Я тут же приписала это моим расстроенным нервам, бессоннице последних ночей, отсутствию жизненного опыта — словом, сделала то, чего делать не следовало: приписала себе, а не Юлиусу неудачу первых минут. Впрочем, всю жизнь нечто вроде больной совести, близкой к слабоумию, побуждало меня возлагать на себя некую не вполне осознанную ответственность. Дошло до того, что я чувствовала себя виноватой перед Аланом. А теперь вот — перед Юлиусом А. Крамом, и, если приветливая официантка растянется на ковре со своим миндальным пирожным, я буду думать, что это произошло по моей вине. Какая-то злость на самое себя и на ту мучительную неразбериху, в которую я превратила свою жизнь, охватила меня.

— А вы, — спросила я сдержанно, — чем вы занимаетесь в жизни?

— Ворочаю делами. Точнее, уже провернул много дел. Теперь занимаюсь тем, что контролирую их. Я, можно сказать, живу в машине, езжу из одной конторы в другую. Контролирую и еду дальше.

— Весело, — сказала я. — А кроме этого? Вы женаты?

Он на мгновение смутился, как будто я ляпнула что-то неприличное. Возможно, мне полагалось знать, что он холостяк.

— Нет, — ответил он, — не женат, но когда-то чуть было не женился.

Он произнес эту фразу так торжественно и так высокопарно, что я посмотрела на него с любопытством.

— Все разладилось? — спросила я.

— Мы не были людьми одного круга.

Кондитерская, казалось, застыла у меня перед глазами. Что я здесь делаю, с этим бизнесменом-снобом?

— Она была аристократка, — сказал Юлиус А. Крам с несчастным видом. — Английская аристократка.

Я снова посмотрела на него с изумлением. Если этот человек и не интересовал меня, то, во всяком случае, удивлял.

— Но почему, если она была аристократкой...

— Я добился всего только благодаря самому себе, а когда я встретил ее, то был еще очень молод и не уверен в себе.

— А теперь, — спросила я, заинтригованная, — вы, значит, уверены в себе?

— Теперь — да, — сказал он. — Главное преимущество денег — с ними уверенно чувствуешь себя везде.

И как бы в подтверждение этой чудовищной банальности он постучал ложечкой о чашку.

— Она жила в Рединге, — продолжал он мечтательно. — Вы знаете Рединг? Это небольшой городок недалеко от Лондона. Я встретил ее на пикнике. Ее отец был полковником.

По-видимому, если уж я хотела отвлечься от своих мыслей, лучше было мне сходить в кино и посмотреть какой-нибудь бред с убийствами или сексом, которыми так богато наше время. Пикник в Рединге с дочкой полковника — это явно не то, что может разжечь возмущение молодой отчаявшейся женщины. Мне, как всегда, везет. Стоило раз в жизни встретиться с одним из тех, кого называют финансовой акулой, как у меня решка, я попадаю в трещину, в надлом: невеста-англичанка слишком аристократического происхождения. Легче было представить себе, как Юлиус А. Крам довел до самоубийства дюжину нью-йоркских банкиров. Я чуть надкусила ромовую бабу и поздравила себя с этим. Пирожные я всегда терпеть не могла. Юлиус А. Крам, должно быть, все еще мысленно бродил по зеленым холмам Рединга. Он молчал.

— А потом? — спросила я.

Ситуация, в которой я находилась, все-таки обязывала меня, соблюдая приличия, допить чай.

— О, потом ничего серьезного, — сказал Юлиус А. Крам и покраснел. — Кое-какие приключения... разве что.

На мгновение я представила его в привилегированном заведении среди обнаженных женщин. У меня закружилась голова. Это было невыносимо. Малейший намек на сексуальность был несовместим с видом, голосом,

обличьем Юлиуса А. Крама. Я не могла понять, что же составляет его силу в этом подлом мире, поскольку он, казалось, начисто был лишен тех двух главных пружин, которые обычно определяют поступки людей: тщеславия и сексуальности. Этот человек был мне совершенно непонятен, и если в другое время подобное заключение возбудило бы мое любопытство, то теперь я испытывала только растерянность и некоторую неловкость. Кажется, мы все-таки поговорили о погоде, и я с притворным воодушевлением согласилась на новую встречу, там же и в тот же час, на будущей неделе. Поистине, я согласилась бы на что угодно, лишь бы выпутаться из этого дурацкого положения.

Я возвращалась домой пешком, очень медленно, и только когда я шла по Пон-Руаяль, меня разобрал безумный смех. Эта встреча была не просто нелепой, — более того, ее совершенно невозможно было передать словами. Впрочем, думаю, именно благодаря этой нелепости в последующие дни я вспоминала о ней с каким-то даже приятным чувством.

Через две недели я уже совершенно забыла об этом эпизоде. Я позвонила Юлиусу А. Краму, вернее, его секретарше, чтобы отменить наше свидание, и на другой день получила огромный букет и визитную карточку с выражением глубокого сожаления. В пус-

тынной, запущенной квартире, будто разоренной адом наших отношений, который мы оба, Алан и я, тщательно поддерживали, эта охапка цветов в течение нескольких дней выглядела чем-то неприлично живым и радостным, пока не увяла и окончательно не засохла.

Положение, если можно так выразиться, стабилизировалось. Алан не выходил из квартиры. Если я хотела уйти, он шел за мной. Если звонил телефон, что случалось все реже и реже, он подходил, говорил: «Никого нет дома» — и бросал трубку на рычаг. Остальное время он, как безумный, вышагивал по квартире, повторяя мне свои претензии, изобретая новые, допрашивал меня, будил, когда я спала, и то плакал, как ребенок, над концом нашей любви и твердил, что это его вина, то горько упрекал меня, все более ожесточаясь. Я настолько от всего отупела, что не чувствовала себя в силах противостоять ему. Даже перестала думать о бегстве. Мне казалось, что эта буря, эта странная бездна, в которую мы оба с каждым днем погружаемся все глубже, должна кончиться сама по себе и надо только ждать. Я умывалась, чистила зубы, одевалась и раздевалась в силу какого-то рефлекса, хранившегося в моей предыстории. Служанка в ужасе сбежала от нас неделю назад. Мы питались консервами, каждый сам по себе, и я тупо сражалась с банкой сардин, которых мне не хотелось, но которые, я знала, нужно съесть.